

DOI: 10.31857/S0869049922010051

ВОПРОСЫ ИДЕОЛОГИИ ISSUES OF IDEOLOGY

Оригинальная статья / Original Article

Запад, не-Запад и стратегии политической борьбы на демографическом поле

© М.А. КЛУПТ

Клупт Михаил Александрович, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург, Россия), klupt@mail.ru

В статье рассматриваются стратегии политической борьбы вокруг вопросов иммиграции, брака, семьи рождаемости и сексуальности с 1960-х гг. до настоящего времени. Анализируется ряд стратегий Запада – «контроль над популяцией», мультикультурализм и «мускулистый либерализм». Результаты реализации стратегий разочаровали Запад, поскольку его экономической мощи противостояли институциональная инерция не-Запада и его огромный перевес в численности населения. Стратегии не-Запада заключались в стремлении максимизировать объемы западной помощи, а при необходимости противодействовать ценностям и практикам либерального Запада, создавая для этого требуемую правовую и медийную основу. Кроме того, в ходе миграционных кризисов население развивающихся стран использовало противоречия в самоописаниях Запада, играющих жизненно важную роль в его представлениях о собственной идентичности. В результате в современном мире наблюдается не глобальная вестернизация ценностей, а непрекращающийся ценностный конфликт в рассмотренных вопросах.

Ключевые слова: Запад, не-Запад, политическая борьба, стратегия, ценностный конфликт, политическая демография, рождаемость, миграция

Цитирование: Клупт М.А. (2022) Запад, не-Запад и стратегии политической борьбы на демографическом поле // Общественные науки и современность. № 1. С. 78–90. DOI: 10.31857/S0869049922010051

The West, Non-West and Strategies of Political Struggle on the Demographic Field

© M. KLUPТ

Mikhail A. Klupt, Saint-Petersburg State University of Economics (Saint-Petersburg, Russia), klupt@mail.ru

Abstract. The article discusses the political struggle over the issues of immigration, marriage, family, fertility, and sexuality that continues since the 1960s to nowadays. The author analyses strategies used by the West in this struggle such as population control, multiculturalism, and “muscular liberalism”. Results of these strategies’ implementation were far from expected by the West because its economic power was opposed by institutional inertia and huge superiority of the non-West in terms of population size. The strategies of the non-West were to maximize the amount of western aid and to create a legal framework and provide media support when it was necessary to oppose the values and practices advanced by the liberal West. In addition, during the migration crises developing countries’ population used contradictions in the backbone self-descriptions of the West which play a vital role in defining its own identity. As a result, not global westernization of values, but the persistent value conflict in the issues under consideration is occurring in today’s world.

Keywords: West, non-West, political struggle, strategy, conflict of values, political demography, fertility, migration

Citation: Klupt M. (2022) West, Non-West and Strategies of Political Struggle on the Demographic Field. *Obshchestvennye nauki i sovremennost’* no.1, pp. 78–90. DOI: 10.31857/S0869049922010051 (In Russ.).

Хронологические рамки данной статьи охватывают период с 1960-х гг. по настоящее время. На его протяжении вопросы миграции, брака, семьи, сексуальности и репродуктивного поведения постоянно оказывались предметом внешне- и внутривнутриполитической борьбы. Не вдаваясь в давнюю дискуссию о предмете демографии, автор в дальнейшем будет для краткости называть данное поле политической борьбы демографическим. Один из важнейших аспектов борьбы на этом поле, связанный с взаимоотношениями между Западом и остальным миром, и анализируется в данной статье.

Несмотря на свое несомненное экономическое превосходство, Запад так и не сумел ни трансформировать семейно-демографическую сферу не-Запада по своему образу и подобию, ни разрешить однозначно в свою пользу конфликты, вызванные международной миграцией. Данная статья пытается объяснить подобный итог и, одновременно, преследует более широкую цель – включить анализируемый материал в общий поток осмысления «вечных» и в то же время злободневных обществоведческих тем: влияние культурных различий на международные отношения, значение экономических и неэкономических ресурсов в политической борьбе и роль самоописаний идентичности в конфликтах между Западом и не-Западом.

Самоописания и стратегии

Многочисленные водоразделы западного мира хорошо известны; немаловажны они и в контексте вопросов, рассматриваемых ниже. Структура политического ответа Запада на демографические вызовы никогда не была полностью однородной. В эпоху демографиче-

ского взрыва, например, главным актором такого ответа, несомненно, были США, тогда как Франция с ее пронаталистскими традициями занимала скорее нейтральную позицию, избегая сколь-нибудь значительного участия в финансировании программ планирования семьи в развивающихся странах. Дезавуирование в начале 2010-х гг. лидерами Великобритании, Германии и Франции политики мультикультурализма, хотя и не подверглось официальному осуждению в США, все же осталось чисто европейским явлением.

Запад, тем не менее, по-прежнему представляет собой вполне реальное единство, скрепленное не только военно-политическими и экономическими союзами, но и общей самоидентификацией на основе ценностей, которые он и остальной мир называет западными. Хотя принадлежность многих стран к Западу общепризнана, вряд ли возможно составить исчерпывающий и в то же время неоспоримый перечень западных государств, поскольку между ними и явным не-Западом лежат несколько зон культурного и геополитического пограничья. В изучаемом контексте, однако, важен не строго определенный состав подобного перечня, а лежащее в его основе самописание Запада как ценностного целого, определяющее, среди прочего, и его политические ответы на демографические вызовы. Межстрановые различия в таких ответах, как демонстрируют приведенные примеры, никогда не выходили за определенные рамки, которые не в последнюю очередь определяют все теми же «западными ценностями».

Понятие самоописания занимало одно из центральных мест в теоретической концепции известного немецкого социолога Н. Лумана [Луман 2009]. Он полагал, что социальной системе свойственно создавать самоописания, с помощью которых она формирует представление о себе и противопоставляет себя другим. Автор не претендует далее ни на комментарий к концепции Лумана, ни, тем более, на ее развитие, однако стоит отметить, что понятие самоописания позволяет глубже понять внутренние пружины политической борьбы на демографическом поле.

Важнейшую роль в этой борьбе играли два описания Западом своей идентичности. Первое – «рыцарь свободы», который несет западные ценности в «несвободный», то есть незападный мир, второе – гуманный защитник униженных и оскорбленных. Одновременно сами «западные ценности» содержали внутреннее противоречие, поскольку в них явно обозначились две конфликтующие друг с другом версии – более агрессивная либеральная и консервативная, перешедшая под напором первой к активной обороне. В качестве наиболее острых конфликтов между ними в рассматриваемой области можно привести вопросы об абортх, гомосексуализме и однополых браках, приведшие к «культурным войнам» между консерваторами и либералами в США, а также противостояние между Венгрией и Польшей с одной стороны и наднациональными структурами ЕС с другой.

Независимо от того, насколько самоописания Запада соответствовали его практической политике, они имели системообразующее значение, ибо служили стержнем западной идентичности – тем, чем Запад в его собственном представлении отличался от не-Запада. Ситуации, в которых различные версии самоописаний оказывались трудно совместимыми, создавали для Запада определенные политические сложности, а для не-Запада – возможности политической контригры.

Самоописания идентичности столь же характерны и для стран не-Запада. Они, как и в случае Запада, внутренне противоречивы. В России данное противоречие проявляется в научных, художественных и политико-идеологических реинкарнациях давнего спора между западниками и славянофилами, в Китае – в дискуссиях о месте конфуцианских ценностей в современной жизни и совместимости конфуцианства с марксизмом [Ломанов 2017] и т. д. В зависимости от градуса конфликтности с Западом одни из таких самоописаний на время приглушаются, другие, напротив, выдвигаются на авансцену.

Политическую борьбу на демографическом поле автор в дальнейшем рассматривает через призму стратегий, используемых ее участниками. Теория стратегического менеджмента, как известно, разделяет формулируемые и формируемые или спонтанно возникающие стратегии. Первые изначально формулируют в документах стратегического планирования, которые – по крайней мере в идеале – служат руководством к последующим действиям в указанных в них направлениях. Вторые, напротив, стихийно формируются и развиваются в результате непрерывного практического экспериментирования и последующего самообучения [Mintzberg et al. 1998].

Два названных типа стратегий использовали и участники политической борьбы на демографическом поле. Некоторые из таких стратегий были сформулированы и подробно описаны в документах [National... 1974], другие, напротив, рождались и развивались спонтанно в результате действий тех, кто волею судеб был вовлечен в водоворот событий. Ярким примером последней категории можно назвать стратегии мигрантов мирового Юга, которые быстро приспособливают свои маршруты на мировой Север и способы преодоления возникающих на пути барьеров к изменениям политической и экономической конъюнктуры.

На протяжении рассматриваемого периода последовательность стратегий, о которых пойдет речь, была туго закручена в диалектическую спираль. Ее первый виток в рассматриваемых хронологических рамках приходится на 1960–1980-е гг. – время взрывного роста населения развивающихся стран.

Демографический взрыв и «контроль над популяцией»

Демографический взрыв, несмотря на отдаленность от сегодняшнего дня, целесообразно сделать исходным пунктом анализа, поскольку именно тогда обозначились инварианты политической борьбы на демографическом поле, которые неоднократно проявлялись и позднее. Один из них заключается в том, что идея влиятельных западных энтузиастов о «правильном» – с их точки зрения – устройстве семейно-демографической сферы затем продвигается за пределы Запада, что вызывает политические конфликты. Второй инвариант выражается в тесной взаимосвязи внешнеполитических и внутривнутриполитических конфликтов вокруг этой идеи. Третий представляет собой циклическое чередование самообольщений и разочарований Запада в применении своих представлений за его пределами. Четвертый – в существовании нескольких самоописаний Запада, которые порой вступают между собой в конфликт и лежат в основе таких самообольщений и разочарований. Пятая – в стратегии стран не-Запада, которая, за некоторыми исключениями, состояла в том, чтобы использовать западные ресурсы и его действия для достижения собственных внутривнутриполитических целей.

Идейными вдохновителями политики снижения рождаемости в развивающихся странах были Дж. Рокфеллер III, Ф. Осборн, М. Сэнгер и ряд других влиятельных фигур американской политической арены. В 1960-е гг. им удалось добиться того, чтобы из государственных ресурсов США финансировались программы международной помощи в области народонаселения. В 1974 г. стратегия США в сфере народонаселения была с бюрократической педантичностью описана в меморандуме Г. Киссинджера [National... 1974], рассекреченном в 1989 г. В ходе международных программ помощи в области народонаселения, основным спонсором которых были США, вышли на первый план два основных направления

Первое из них можно, используя намеренно прямой перевод принятого в ту «неполиткорректную» пору термина *population control*, назвать контролем над популяцией.

Ему отвечает самописание Запада как рыцаря свободы, который несет ее идеалы в «несвободный» – то есть остальной – мир. Population controllers, как не без сарказма именуют сторонников данного направления их идейные оппоненты [Connelly 2008], мыслили глобально. В прошлом поклонники евгеники, после дискредитации ее нацистами они избрали новый инструмент спасения мира – контроль над рождаемостью в развивающихся странах. Данная стратегия лежала в русле теорий модернизации образца 1950-1960-х гг., подход которых «естественным образом допускал навязывание модернизационных моделей силовым путем» [Стародубовская 2019, 58].

В основе второго направления лежало самописание Запада как гуманного защитника униженных и оскорбленных. Сторонники данной стратегии, в отличие от population controllers, акцентировали внимание на помощи женщинам из развивающихся стран в предотвращении нежелательных беременностей и родов, умышленно или непреднамеренно не замечая геополитической составляющей программ международной помощи в области народонаселения.

Приверженцы обоих направлений открыто конфликтовали. Министр обороны США в годы Вьетнамской войны Р. Макнамара, который позднее возглавил Всемирный банк, возражал против помощи в развитии здравоохранения африканских стран до тех пор, пока ее не увяжут с программами контроля над ростом населения. В противном случае, считал он, рост населения только ускорится, поскольку снижение рождаемости не компенсирует снижение детской смертности [Connelly 2008, 263].

Близкой позиции придерживался К. Дэвис, известный американский социолог и один из создателей теории демографического перехода. Он критиковал идеологов программ планирования семьи за то, что они стремятся помочь семьям иметь желаемое количество детей вместо того, чтобы заставлять семьи иметь не более детей, чем необходимо для нулевого роста населения [Davis 1967]. Подобная откровенность вызвала в академическом крыле американского демографического истеблишмента «некоторый испуг и немало гнева» [McNicoll 2019, 10]. В конечном итоге госдепартамент США отмежевался – по крайней мере публично – от подобных идей и стал на сторону планирования семьи. На сайте ведомства подчеркивается, что США не поддерживают «стабилизацию» или контроль над численностью населения¹.

В снижении рождаемости в развивающихся странах был в известной степени заинтересован не только Запад, но и получатели его помощи, которые столкнулись с постоянной угрозой голода и нехваткой средств на образование быстрорастущих контингентов детей и молодежи. Однако тяжелое поражение партии Индийский национальный конгресс на парламентских выборах 1977 г. из-за предшествовавшей им кампании массовых «добровольно-принудительных» стерилизаций под руководством С. Ганди подтвердило, что «контроль над рождаемостью» связан с немалыми политическими рисками, поскольку вступает в конфликт с многовековыми обычаями и экономической целесообразностью многодетности для домохозяйств. Общим знаменателем стратегий развивающихся стран в таких условиях становилось стремление к максимизации получаемых от Запада ресурсов при сохранении достаточной свободы действий.

Китай успешно использовал двусмысленность в самописании Запада как защитника обездоленных и угнетенных в незападных странах. Американские консерваторы считали, что поддержка из государственных средств неправительственных организаций (НПО), которые сотрудничали с КНР в сфере планирования семьи, означала аморальное попустительство насильственным абортam. Напротив, по мнению либералов, такое сотрудни-

---

¹ Population. U.S. Department of State. (<https://www.state.gov/other-policy-issues/population/>).

чество спасало жизни миллионов женщин, которые благодаря помощи Фонда по народонаселению ООН (ЮНФПА) и НПО получали доступ к квалифицированной медицинской помощи. В результате сотрудничество КНР и ЮНФПА продолжалось. Потери ЮНФПА от регулярного прекращения президентами-республиканцами взносов США в фонд компенсировали западноевропейские спонсоры, а президенты-демократы (в том числе и Дж. Байден в 2021 г.) возобновляли взносы после прихода к власти.

Страны Африки южнее Сахары, обладая значительно меньшим геополитическим весом, придерживались иной стратегии. Африканские политические лидеры, которые остро нуждались в международной помощи, на словах были готовы к выполнению требований западных «контролеров рождаемости», однако значительно лучше них понимали колоссальную силу традиций многодетности и ее экономическую выгоду для африканских семей. В условиях отсутствия в этих странах жесткой централизованной вертикали управления, подобной китайской, программы планирования семьи нередко подменяли их имитацией.

На правительственном уровне при консультациях западных экспертов – если не под их диктовку – писали и принимали «правильные» программы для получения иностранной помощи. На индивидуальном и групповом уровне (семей и локальных общин), напротив, осуществлялась неписаная стратегия игнорирования или прямого сопротивления рекомендациям иностранных советчиков. Отчасти она опиралась на небезосновательные, хотя нередко и перемешанные с суевериями, опасения тайного и враждебного медицинского вмешательства.

Закулисные сделки с международными спонсорами (например, соглашение между Всемирным Банком и президентом Нигерии И. Бабангидой в 1988 г. [Robinson 2011]) вызвали недовольство населения, полагавшего, что из-за подобных договоренностей жизненно важные программы, такие как снабжение чистой питьевой водой и борьба с малярией, отодвигаются в сторону ради программ планирования семьи [Grimes 1998, 387]. В итоге первые десятилетия усилий по снижению рождаемости в Африке южнее Сахары принесли крайне скромные результаты – суммарный коэффициент рождаемости, который, по оценкам ООН, в 1965–1970 гг. составлял в этом регионе 6,68, к 1985–1990 гг. снизился лишь до 6,52 [United... 2019].

От «контроля над популяцией» к мультикультурализму

В огромном количестве работ о европейском мультикультурализме не рассматривается та роль, которую сыграл в его возникновении «контроль над популяцией» в развивающихся странах. Между тем данная историческая связь проявилась в двух отношениях.

Во-первых, западные программы контроля над рождаемостью не смогли предотвратить быстрый рост демографического дисбаланса между Западом и развивающимися странами. В 1960 г. население «менее развитых» (по классификации ООН) регионов превышало население «более развитых» в 2,3 раза, а в 1985 г. – уже в 3,7 раза. Подобный сдвиг в демографическом балансе стал одной из причин быстрого роста иммигрантских меньшинств в западных странах, что требовало политического ответа, которым и стал мультикультурализм.

Во-вторых, концепция мультикультурализма базировалась на предпосылках, прямо противоположных идеям population controllers. Вместо того, чтобы контролировать и индоктринировать жителей развивающихся стран – на чем некогда настаивал К. Дэвис – предлагалось признать культурные нормы иммигрантских меньшинств равноценными западным.

Мультикультурализм включает в себя идеологический, политический и повседневный компоненты, историческая судьба каждого из которых различна [Клунт 2020]. В отличие от достаточно реалистичной политики мультикультурализма, которая устранила вопиющие проявления расизма в западных обществах, и бытового прагматизма повседневных контактов между иммигрантами и принимающим населением, идеологический мультикультурализм был очередным самообольщением Запада.

Р. Бараш справедливо обращает внимание на связь европейского «мультикультурного фиаско» с самописанием Запада и дефектами коммуникации между принимающими обществами и иммигрантскими общинами [Бараш 2016]. Последние, не принимая мультикультурализм европейских либералов, попросту уклонялись от них, создавая «параллельные общества». Экономическому превосходству «основного» общества иммигранты успешно противопоставляли неэкономические ресурсы параллельных – силу религии, обычая и внутрисемейную солидарность.

В результате не только правые, но и леволиберальные европейские политики и активисты разочаровались в приемлемости мультикультурализма как одного из компонентов европейских ценностей. Представления иммигрантских меньшинств о «правильной семье» и соответствующие практики бросали вызов даже традиционным ценностям, не говоря уже о новых представлениях о взаимоотношениях полов, которые набирали силу на Западе. Получалось, что либеральная Европа, навязывая данные представления другим государствам, не может навести порядок в собственном доме.

Следствием этого стала прозвучавшая в начале 2010-х гг. резкая критика мультикультурализма лидерами ведущих европейских стран. «Необходимо, – провозгласил тогдашний премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон, – намного меньше пассивной толерантности недавних лет и намного больше активного, мускулистого либерализма»². Отказ от «пассивной толерантности», однако, не означал возврата к идеям контроля Западом над рождаемостью – от них в XXI в. отмежевались и консерваторы, и либералы. Проекцией «мускулистого либерализма» на демографическую сферу стали прежде всего нормативное регулирование брака, семьи и миграции.

Семейные ценности на арене внешнеполитической борьбы

Политика Запада в семейно-демографической сфере развивается в последние десятилетия по ряду направлений. К числу важнейших из них относятся и облегчение баланса «родительство – семья», и завоевывающие все большую популярность практики, основанные на концепции интеркультурализма. Наряду с этим происходит, однако, и радикальный пересмотр правовых и неформальных норм, регулирующих сферу брака, семьи и сексуальности.

Проводников такого пересмотра можно с известной долей условности разделить на активистов и политиков. Первые нередко искренне убеждены в правоте своих идей и их благотворности для всего человечества. Для вторых требование изменить правовые нормы других государств – часть внешнеполитической стратегии, нацеленной на выкраивание мира по лекалам западного либерального истеблишмента. По мере отдаления от западного либерального эпицентра трудности в решении этой задачи, однако, заметно нарастают. Даже в непосредственной близости от него – в Венгрии и Польше – разворачивается конфликт с наднациональными структурами ЕС, который вызван запретом в Венгрии

² PM's speech at Munich Security Conference. GOV.UK. (<https://www.gov.uk/government/speeches/pms-speech-at-munich-security-conference/>).

пропаганды гомосексуальных отношений среди несовершеннолетних и попытками ряда польских муниципалитетов объявить себя «зонами, свободными от ЛГБТ».

В Азии однополые браки легализовал (в 2019 г.) лишь ближайший союзник США – Тайвань. В Японии в 2021 г. окружной суд Саппоро признал отсутствие возможности зарегистрировать брак между лицами одного пола неконституционным из-за нарушения права граждан на равенство перед законом³. За легализацию однополых браков выступает и оппозиционная Конституционно-демократическая партия Японии. Тем не менее, вопрос о легализации однополых браков остается открытым, поскольку против нее выступает правящая Либерально-демократическая партия Японии, которая в октябре 2021 г. в очередной раз победила на парламентских выборах. В Южной Корее, несмотря на политическую близость к США, перспектива легализации однополых браков представляется ее сторонникам еще более туманной⁴. В исламском мире данный вопрос даже не ставится.

Реалистично мыслящие западные политики понимают, что превращение не-Запада в копию Запада в настоящее время лежит за пределами возможностей последнего. Ввиду этого обвинения в невыполнении новых либеральных императивов в сфере брака, семьи и сексуальности предъявляют незападным странам сугубо выборочно, исходя из соображений политической целесообразности.

Ответная стратегия России и КНР реализуется в данных условиях прежде всего в правовой и медийной плоскости. В России в 2013 г. была установлена административная ответственность за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних. В 2017 г. Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) признал данную законодательную норму дискриминационной. В 2020 г. в ходе общероссийского голосования большинством в 77,92% при явке 67,97% были одобрены поправки к Конституции Российской Федерации, согласно которым «сохранение традиционных семейных ценностей» и «защита института брака как союза мужчины и женщины» стали конституционными нормами, а Статья 79 Конституции создала правовую основу для неисполнения решений международных органов, которые нарушают их. Летом 2021 г. вице-спикеры Совета Федерации и Государственной Думы РФ заявили, что Россия не будет выполнять новое требование ЕСПЧ, касающееся регистрации однополых браков, поскольку оно противоречит российской Конституции.

Тема важности семейных добродетелей и традиций для общества занимает в последние годы важное место и в официальном политическом дискурсе КНР⁵. В связи с легализацией однополых браков на Тайване пресс-секретарь парламентской комиссии по правовым вопросам КНР Цзан Тевэй заявил, что Китай по-прежнему рассматривает брак как союз между мужчиной и женщиной, поскольку именно такой подход соответствует национальному укладу страны и ее историческим и культурным традициям⁶. В принятом в 2020 г. Гражданском кодексе КНР говорится только о брачных отношениях между мужем и женой. В ноябре 2021 г. китайские ЛГБТ-активисты сообщили о том, что по

---

³ Japan Court Rules Failure to Recognize Same-Sex Marriage Unconstitutiona. The Japan Times. Mar 17, 2021. (<https://www.japantimes.co.jp/news/2021/03/17/national/crime-legal/same-sex-marriage-landmark-ruling>).

⁴ Same-Sex Couples Excluded from South Korea's New Definition of Families. Voice of America. February 01, 2021. (https://www.voanews.com/a/east-asia-pacific_same-sex-couples-excluded-south-koreas-new-definition-families/6201455.html).

⁵ Xi Vows to Reinforce Traditional Family Values. Global Times. 14 Dec. 2016. (<https://www.globaltimes.cn/content/1023566.shtml>).

⁶ Китайский парламент исключил возможность однополых браков. Reuters. August 21, 2019. (<https://www.reuters.com/article/oruoec-china-lgbt-marriage-idRUKCN1VB19L-ORUOE>).

требованию властей они вынуждены закрыть свои аккаунты на крупных китайских интернет-платформах⁷.

В России в ходе опроса ВЦИОМ, проведенного в 2021 г., 63% респондентов заявили о том, что они категорически несогласны с предоставлением однополым парам права на вступление в брак, а еще 12% – что «скорее не согласны». В 2004 г. значения данных показателей составляли 25% и 34%, а доля затруднившихся ответить была выше – 10% в 2004 г. против 4% в 2021 г.⁸ Увеличение доли негативно относящихся к узаконению однополых браков при уменьшении неуверенных и неопределившихся может быть в немалой степени обусловлена тем, что тематика однополых браков в последние годы вышла на российскую внутривнутриполитическую авансцену в качестве одного из элементов противостояния между Россией и Западом. Концепт традиционных семейных ценностей в данных условиях символизирует неприятие той версии брака, семьи и отношений между полами, которую Запад продвигает – а иногда и навязывает в качестве нормативной.

Бумеранг вынужденной миграции

Стратегия миллионов жителей Африки и Азии, которые устремились в Европу в 2010-е гг., была стихийной, но точной. Миграционный кризис 2015 г. в Европе возник на разломе двух уже упомянутых самоописаний Запада, лишь слегка модифицированных применительно к миграционной проблеме. Одно из таких самоописаний – рыцаря свободы, который несет в несвободный мир передовые ценности – располагал Запад к тому, чтобы карать зло и сеять добро, не особенно интересуясь мнением тех, кого предстояло облагодетельствовать. В результате появились сотни тысяч беженцев, не принять которых значило бы для Запада отказаться от другой важной части самоописания – милосердного хозяина, готового принять гонимых. Сотни тысяч мигрантов, которые стали жертвами первого самоописания, связывали (часто не без основания) свои надежды со вторым.

Осенний кризис 2018 г. на американо-мексиканской границе, вызванный продвижением к ней каравана мигрантов из Гондураса, отличался от европейского миграционного кризиса 2015 г. как меньшими масштабами, так и более жесткой позицией администрации Д. Трампа в отношении тех, кто стремился пересечь границу. Тем не менее, нынешняя стратегия центральноамериканских мигрантов имеет очевидные общие черты со стратегией африканских и азиатских мигрантов, стремящихся в Европу.

На американо-мексиканской границе растет численность прибывающих туда без сопровождения родителей или законных опекунов детей. По прогнозам, в 2021 финансовом году приток должен был достичь рекордной величины – 117 тыс. человек, что значительно выше показателей 2019 фискального года – 76 тыс. человек. В феврале 2021 г. большинство несопровождаемых детей прибыли из Гватемалы (42% их общей численности), Гондураса (28%), Мексики (19%) и Сальвадора (8%)⁹.

Причина подобной динамики состоит в том, что именно дети без сопровождения взрослых имеют в настоящее время наибольшие шансы попасть на территорию США, поскольку администрация Дж. Байдена занимает по отношению к ним более мягкую по срав-

⁷ China LGBT Rights Group Shuts Down amid Hostile Environment. AP News. November 5, 2021. (<https://apnews.com/article/technology-china-media-social-media-taiwan-348cab147964f24ccf83907403d4c84a>).

⁸ Однополые браки: табу или новая норма? ВЦИОМ. Новости. 23 июля 2021. (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/odnopolye-braki-tabu-ili-novaja-norma>).

⁹ Putting the U.S.-Mexico 'Border Crisis' Narrative into Context. WOLA. (<https://www.wola.org/analysis/putting-border-crisis-narrative-into-context-2021/>).

нению с администрацией Д. Трампа позицию. Однако, ряд американских медиа связывает кризис на американо-мексиканской границе не с действиями администрации Д. Трампа, а с многолетней политикой США, которые организовали свержение в 1954 г. правительства Гватемалы, а затем поддержали диктаторские режимы в странах Центральной Америки¹⁰.

В качестве примера ответной стратегии не-Запада на миграционный кризис, реализуемой на государственном уровне, можно назвать Турцию. Правительство Р. Эрдогана, принимая миллионы перемещенных лиц в ходе сирийского конфликта, апеллировало преимущественно не к нормам международного права, а к более привлекательной для сторонников Эрдогана и идущей из глубины веков мусульманской традиции предоставления убежища изгнанным единоверцам – их турецкие власти называют не беженцами, а гостями [Кава 2020]. Угроза «открыть двери» в ЕС для 3,6 млн находящихся на территории Турции сирийских беженцев стала для страны мощным козырем в непрекращающихся спорах с Евросоюзом.

Термин «оружие массовой миграции» получил широкое хождение после выхода в свет монографии К. Гринхилл [Greenhill 2010]. Некоторые западные аналитики [Greenhill 2016; Jennequin 2020] и политические деятели склонны обвинять в применении такого «оружия» Турцию – а в последнее время также Белоруссию и Россию. Сама трактовка беженцев как «оружия» носит антигуманный характер, что, впрочем, признают и авторы, которые призывают к осторожности в употреблении этого термина [Marder 2018; Jennequin 2020]. Если все же использовать его, то следует признать, что Запад сам вложил это оружие в руки незападных стран. Продолжая метафору Гринхилл, можно сказать, что «оружие массовой миграции» оказалось бумерангом, нацеленным в разлом между двумя – воинственным и гуманным – самоописаниями Запада.

* * *

Подведем итоги проведенного анализа. Несмотря на экономическое превосходство западных стран, их совокупные ресурсы оказались в рассмотренном периоде недостаточными для изменения семейно-демографической сферы не-Запада в желаемом Западом направлении и масштабе. Запад добивался определенных результатов, однако в одних случаях они стали частичными, в других – неожиданными для него самого и далекими от желаемых.

Усилия Запада по снижению рождаемости в Африке южнее Сахары, предпринятые в 1960-1970-е гг., не принесли сколь-нибудь значительных успехов, став впоследствии одним из факторов многомиллионной африканской иммиграции в Европу. Свойственная энтузиастам мультикультурализма 1980-1990-х гг. надежда на то, что «мягкая сила» западных идей коренным образом преобразует семейные отношения иммигрантских меньшинств, оказалась иллюзией. Замена мультикультурализма «мускулистым либерализмом» и вмешательство Запада в события на Ближнем Востоке привели к миграционному кризису в Европе середины 2010-х гг. Стремление либерального Запада навязывать другим странам собственные представления о браке, семье и сексуальности активизировало обращение к традиционным семейным ценностям в государственной политике России и КНР.

Причины подобного хода событий состояли в том, что огромному перевесу Запада в экономической сфере противостоял столь же масштабный перевес не-Запада в численности населения и колоссальная сила институциональной инерции незападных обществ. Оба

---

¹⁰ Gordon R. The Current Migrant Crisis Was Created by US Foreign Policy, Not Trump. The Nation, 2019, Aug. 16; Shesgreen D. How U.S. policy in Central America Have Fueled Migrant Crisis. USA Today, 2018, Dec. 21.

фактора создавали для не-Запада разнообразные возможности политической контригры, в которой они широко использовали издавна известные стратагемы. В результате не-Запад менялся – в том числе и под влиянием самого Запада – не становясь его копией, а иммигрантские меньшинства преобразовывали сам Запад и его внутривнутриполитический ландшафт.

Споры о том, равнозначна ли модернизация вестернизации и сколько модернизаций происходит на Земле – одна или несколько, как это полагают сторонники теории множественных модерностей – начались не сегодня и вряд ли прекратятся в обозримом будущем ввиду их мировоззренческого характера. Данная статья охватывает лишь относительно небольшой отрезок исторического развития и сравнительно узкий – хотя и немаловажный – его сегмент, ввиду чего, разумеется, не может претендовать на разрешение этого спора. Тем не менее, рассмотренные события явно противоречат теориям, которые представляют исторический процесс как неуклонное превращение не-Запада в подобие Запада. Напротив, в действительности имеет место непрекращающаяся борьба различных начал, исход которой сегодня, как и прежде, непредсказуем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бараш Р. (2016) Кризис мультикультурализма в зеркале системной социологической теории // Социологический журнал. 2016. Том 22. № 2. С. 31–54. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.2.4256.

Клупт М.А. (2020) Демография на политической арене XX и XXI столетий. СПб. Изд-во СПбГЭУ. 303 с.

Ломанов А.В. (2017). Неоконсерватизм с китайской спецификой // Россия в глобальной политике. Т. 15. № 4. С. 17–31.

Луман Н. (2009) Самоописания. М.: Логос, ИТДГК «Гнозис». 325 с.

Стародубовская И.В. (2019) Драма модернизационной теории. Статья 1. Модернизация как рецепт и как проблема // Общественные науки и современность. №1. С. 156–168. DOI: 10.31857/S086904990003946.

Connelly M. (2008) *Fatal Misconception: The Struggle to Control World Population*. Cambridge MA, London: Belknap Press.

Davis K. (1967) *Population Policy: Will Current Programs Succeed?* // *Science*. New Series. Vol. 158. No. 3802. Pp. 730–739.

Grimes S. (1998) *From Population Control to “Reproductive Rights”*: Ideological Influences in Population Policy // *Third World Quarterly*. Vol. 19. No. 3. Pp. 375–393.

Jennequin A. (2020) *Turkey and Weaponization of Syrian Refugees*. Brussels: International Center.

Greenhill K. (2010) *Weapons of Mass Migration: Forced Displacement, Coercion, and Foreign Policy*. Ithaca, NY: Cornell University Press.

Greenhill K. (2016) *The Weaponization of Migration*. In: Leonard M. (ed.). *Connectivity Wars. Why Migration, Finance and Trade are the Geo-Economic Battlegrounds of the Future*. London: European Council on Foreign Relations. Pp. 76–80.

Kaya A. (2020) *Migration as a Leverage Tool in International Relations: Turkey as a Case Study* // *Uluslararası İlişkiler/International Relations*. Vol. 17. No. 68. Pp. 21–39. (<https://www.jstor.org/stable/10.2307/26980734>).

Marder L. (2018) *Refugees are not Weapons: The Weapons of Mass Migration and its Implications* // *International Studies Review*. Vol. 20. No. 4. Pp. 576–588. <https://doi.org/10.1093/isr/vix055/>.

McNikoll G. (2019) *Kingsley Davis. Biographical Memoir*. National Academy of Sciences.

Mintzberg H, Ahlstrand B., Lampel J. (1998) *Strategy Safari: A Guided Tour Through the Wilds of Strategic Management*. London: Prentice Hall.

National Security Study Memorandum NSSM 200 (The Kissinger Report). December 10, 1974. (https://pdf.usaid.gov/pdf_docs/PCAAB500.pdf).

Robinson R. (2011) Population Policy as a Lens to the Drivers of Reproductive Health Outcomes in Africa: The Cases of Malawi, Nigeria, and Senegal. (<http://paa2011.princeton.edu/papers/112469>).

United Nations (2019). World Population Prospects 2019. (<https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/>).

REFERENCES

Barash R. (2016) Krizis mul'tikul'turalizma v zerkale sistemnoj sociologicheskoy teorii [Analyzing the Multiculturalism Crisis in Light of the Systematic Sociological Theory]. *Sotsiologicheskij Zhurnal*. vol. 22, no. 2, pp. 31–54. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.2.4256.

Connelly M. (2008) *Fatal Misconception: The Struggle to Control World Population*. Cambridge MA, London: Belknap Press.

Davis K. (1967) Population Policy: Will Current Programs Succeed? *Science. New Series*. vol. 158, no. 3802, pp. 730–739.

Grimes S. (1998) From Population Control to “Reproductive Rights”: Ideological Influences in Population Policy. *Third World Quarterly*. vol. 19, no. 3, pp. 375–393.

Jennequin A. (2020) *Turkey and Weaponization of Syrian Refugees*. Brussels: Brussels International Center.

Greenhill K. (2010) *Weapons of Mass Migration: Forced Displacement, Coercion, and Foreign Policy*. Ithaca, NY: Cornell University Press.

Greenhill K. (2016) The Weaponization of Migration. In: Leonard M. (ed.). *Connectivity Wars. Why Migration, Finance and Trade are the Geo-Economic Battlegrounds of the Future*. London: European Council on Foreign Relations. Pp. 76–80.

Kaya A. (2020) Migration as a Leverage Tool in International Relations: Turkey as a Case Study. *Uluslararası İlişkiler/International Relations*. vol. 17, no. 68, pp. 21–39. (<https://www.jstor.org/stable/10.2307/26980734>).

Klupt M.A. (2020) *Demografiya na politicheskoy arene XX i XXI stoletij* [Demography on the Political Arena of the 20th and 21st Centuries]. Saint-Petersburg: Izd-vo SPbGUE.

Luhmann N. (2009) *Samoopisnija* [Self-Descriptions]. Moscow: Logos, ITGDK “Gnosis”.

Lomanov A. V. (2017) Neokonservativizm s kitajskoj specifikoj [Neo-Conservatism with Chinese Specificity]. *Rossiya v global'noj politike*. vol. 15, no. 4, pp. 17–31.

Marder L. (2018) Refugees are not Weapons: The weapons of Mass Migration and its Implications. *International Studies Review*. vol. 20, no. 4, pp. 576–588. (<https://doi.org/10.1093/isr/vix055>).

McNikoll G. (2019) *Kingsley Davis. Biographical memoir*. National Academy of Sciences.

Mintzberg H., Ahlstrand B., Lampel J. (1998) *Strategy Safari: A Guided Tour Through the Wilds of Strategic Management*. London: Prentice Hall.

National Security Study Memorandum NSSM 200 (The Kissinger Report). December 10, 1974. (https://pdf.usaid.gov/pdf_docs/PCAAB500.pdf).

Robinson R. (2011) *Population Policy as a Lens to the Drivers of Reproductive Health Outcomes in Africa: The Cases of Malawi, Nigeria, and Senegal*. <http://paa2011.princeton.edu/papers/112469>.

Starodubovskaya I.V. (2019). Drama modernizacionnoj teorii. Stat'ya 1. Modernizaciya kak recept i kak problema [Drama of Modernization Theory. Article 1. Modernization as a Recipe and a Problem]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*. no.1, pp. 156–168. DOI: 10.31857/S086904990003946-2.

United Nations (2019). World Population Prospects 2019. (<https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/>).

Информация об авторе

Клупт Михаил Александрович, доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Адрес: 191023, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 30/32. E-mail: klupt@mail.ru

About the author

Mikhail A. Klupt, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Saint-Petersburg State University of Economics. Address: 191023, Kanal Griboedova 30/32, Saint-Petersburg, Russia. E-mail: klupt@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 11.09.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 17.11.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 18.11.2022